

За рубежом. — 1998. — 24-29 апр. (№ 16). — С. 14-15.

С Кейт Уинслет в «Титанике».

Рихард ПЛОЙГЕР

«ЦАЙТ-МАГАЗИН», ГАМБУРГ.

— ПЛАЧЕТЕ ЛИ вы, смотря свои фильмы?

— Нет. Я постоянно думаю лишь об одном: похожа ли хоть немножко моя игра на действительность? Как актеру мне то и дело приходится становиться другим человеком, жить в разных городах мира и в разных временах. Самые сумасшедшие для меня при этом несколько минут на съемках, когда я полностью сливаюсь со своим героем. Я переживаю это каждой клеточкой своего тела. Ради этих минут я и живу.

— Вас узнали благодаря фильмам «Жизнь элито парня» и «Комната Марвина», а после картин «Ромео и Джульетта» и «Титаник» вы стали самым симпатичным лицом Голливуда. Как вам удается при этом не терять голову?

— Уже известному актеру трудно не терять связи с действительностью. Я знаю, как легко с томяться, если не справишься с грузом славы. Многие мои коллеги в качестве защиты г.ридумывают себе определенный имидж.

— Ваши старые приятели по-прежнему обращаются с вами как с обычным человеком?

— Да, мы немало вместе веселимся. Даже смеемся над моей нынешней славой. Моим друзьям нравится встречаться по вечерам в клубах с этими сумасшедшими, то есть моими фанами. К счастью, при этом еще никогда не возникало конфликтной ситуации.

— Весь мир считает вас крутым парнем. Вас это радует?

— Я не люблю крутых. Большинство моих друзей до банальности нормальные люди. Они бы, конечно, разозлились, если бы это услышали, но это правда. Я и сам абсолютно нормальный. И предпочитаю людей, у которых не требуется для начала снять несколько слоев кожи, чтобы добраться до реального человека. Тех открытых людей, которые живут в мире с самими собой и с которыми чувствуешь себя непринужденно.

— Вам не надоело эти вечные сравнения с актерами Джонни Деппом и Ривером Фениксом, умершим в 1993 году?

— Я глубоко уважаю киноработы этих двух актеров, причем до этого долго мечтал заслужить хоть какое-то сравнение с ними. Прекрасную работу Джонни я наблюдал в фильме «Гилберт Грейп в Айове», в котором тоже участвовал.

— Вы не были знакомы с Ривером Фениксом?

— Однажды я встретил его на вечеринке в День всех святых, где все были абсолютно пьяны. В этой толпе Ривер в маске шел мне навстречу. Я хотел было пожать ему руку, думая, что он также ответит мне рукопожатием, ведь я к тому времени уже сделал пару вещей, которые стоило посмотреть. Но толпа быстро пронесла меня мимо. Вскоре я услышал, что Ривер умер в ту самую ночь.

— Героин — тема в Голливуде запретная, хотя слишком многие актеры были или являются сейчас наркоманами. Удастся ли вам противостоять этим «звездным» соблазнам?

— Приходится постоянно от них отбиваться. Поток их просто огромен. Но теперь я уже не могу себе позволить выглядеть таким про-

жигаящим жизнь шальным повесой. Я снимался в ленте «Джим Керролл на улицах Нью-Йорка» во многом для того, чтобы обратить внимание молодежи на опасность наркотиков. Думаю, многие голливудские наркоманы просто хотят сами себя наказать.

— В этой ленте вы играете пристрастившегося к героину поэта...

— Я хотел хоть что-то сделать против засилья героина. Сам я наркотиками никогда не баловался, и мои друзья знают, что если вдруг начнут этим заниматься, им придется иметь дело со мной. Я знаю слишком многих людей, из-за наркотиков принимающих адские муки.

— Вероятно, в детстве вам не хватало еды, вы ведь из бедной семьи. Пусть ваш к славе выглядит сказкой.

— Я нищий, ставший королем. В нашей семье никогда не было достаточно денег. Вырос я в Голливуде, моя родина — угол Вестер-авеню и бульвара Голливуд.

— Скверное местечко... Не там ли есть магазинчик, в котором можно купить настенные коврики с портретом Элиаса, стоящие меньше доллара?

— Конечно, мы там очень часто бывали. Достаточно было лишь завернуть за угол, чтобы встретить типа, прятанного под своим плащом шприцы с героином и капсулы с кокаином для продажи. Именно там появилось во мне все злое, что сейчас таится где-то в глубине. Но надо знать свои корни.

— Вы всегда хотели стать актером?

— Да, еще ребенком я любил развлекать других, неважно, «брейком» или какой иной чепухой. Я хотел привлечь к себе внимание, заставить людей смеяться. Это у меня в крови.

— Родители поддерживали это?

— Думаю, они разглядели во мне некую силу. Меня поразил в свое время сводный брат

— Почему же тогда вы отказались сыграть Джеймса Дина в картине о его жизни?

— Когда мне предложили сыграть эту роль, я был еще слишком молод. К тому же не хочу, чтобы меня связывали с чьим-то обликом. А такая опасность была. Кстати, я и не справился бы с этим образом. Джеймс Дин — легенда. А фильм и без меня получился хорошим.

— Как вы выбираете роли?

— Они должны быть, я считаю, значительными. Слишком много актеров появляется на экранах и исчезает, причем талантливых. Из этого я сделал вывод, что должен постоянно ставить перед собой новые, более сложные задачи.

— Вы сделали это в самом дорогом фильме всех времен — «Титаник» Джеймса Камерона, производство которого обошлось в 200 миллионов долларов. Вы сыграли в нем художника Джека Доусона, указывающего несчастной девушке-аристократке на ее неправильный образ жизни. Камерон говорит, что благодаря роли вы повзрослели.

— Возможно. Я никогда еще не брался за столь ответственную роль. С тех пор готов ко всему в своей профессии.

Леонардо Ди Каприо: Нищий, ставший королем

— Ваш герой — мужественный человек, он до последнего дыхания поддерживает свою возлюбленную. Что сделали бы вы на его месте ранним утром 15 апреля 1912 года, когда «Титаник» потерпел крушение в ледяном море?

— Интересный вопрос, на который у меня до сих пор нет полного ответа. Такое испытание, вероятно, — это самое серьезное, что может выпасть на долю человека. Заявить нетрудно, что прежде всего пропустил бы к спасательным шлюпкам женщин и детей, а вот сделать это...

— Вы обсуждали это с друзьями?

— Да, я спрашивал их, остались бы они на судне, пропустив других вперед. И все говорили, что обязательно бы сели хотя бы в последнюю спасательную лодку.

— Вы бы хотели быть таким же беззаботным, как Джек?

— Я отдал бы все на свете за то, чтобы уметь жить сегодняшним днем. Играть Джека было нелегко, так как в отличие от моих прежних героев он совсем не одержим некими внутренними бесами, а просто ранимый человек.

— Вашему герою в фильме приходится довольно много применять силу, когда судно дает крен и тонет. Тренировались ли вы специально для этой роли?

— Нет, Джек вовсе не силач. И я хочу быть всего лишь нормальным, здоровым человеком. Не люблю тренировочных центров.

— История «Титаника» вас чему-нибудь научила?

— Гибель «Титаника» — недвусмысленное предостережение всем, кто думает, что может победить нашу планету Земля. К сожалению, большинство людей слепо верят в технику.

— Не роман Джека с прекрасной Роуз послужил таким образом причиной, заставившей вас взяться за эту роль?

— Нет, я совсем не люблю классических любовных историй. Они для меня слишком уж безвкусны. Сыграть в «Ромео и Джульетте» я тоже решил лишь потому, что нашел интересным современное звучание картины и великолепным ее режиссера.

— Джеймса Камерона считают одним из лучших кинорежиссеров нашего времени, но диктатором по отношению к своим актерам. Он и к вам придирался?

— Нет, хотя в нем, и верно, есть что-то от генерала. Но он просто должен так держаться, потому что у него работают тысячи людей. Хотя я знаю и другие, более чувствительные стороны Джеймса. Он одинаково хорошо умеет поставить как сцену с тонкой актерской игрой, так и крутой экшн.

— Ходили разговоры о том, что вас выдвинули на «Оскара», но...

— Надеюсь, фильм получит у зрителей то признание, какого заслуживает в качестве одного из немногих выдающихся голливудских фильмов последних лет, содержание которого не отстает от его бюджета. Эту картину будут смотреть и через 20 лет.

— Будете ли вы вновь сниматься в менее значимых ролях?

— Конечно. Я вовсе не гонюсь за главными ролями, за образами романтических героев, считая себя в большей степени характерным актером.

— Что бы вы изменили в Голливуде?

— Я вижу себя скорее в ряду экспериментаторов, через пару лет открывающих в кино но-

Адам. Снявшись в одном рекламном фильме, он заработал 50 тысяч долларов. Это никак не выходило у меня из головы.

— Как семья восприняла ваше нынешнее благосостояние?

— Несмотря на высокие гонорары, я вовсе не научился экономить. Если возможно, то в отеле отказываюсь от «колы» за пять долларов, за те же деньги за углом покупаю упаковку из шести банок. На холодильник в квартире матери по-прежнему наклеены марки, позволяющие покупать что-то со скидкой.

— Но ведь это ей больше не нужно?

— Верно. Я ей и твержу: «Мама, не нужно собирать двадцатипентовые марки для скидки на покупку мороженого. Ты же можешь спокойно платить нормальную цену». Она же всегда отвечает: «Ах, дорогой, если я могу сэкономить, то так и делаю». Моя немецкая бабушка так же упряма. Мы послали ей деньги, но она от них отказалась: «Мне не нужен автомобиль, и вообще мне многое уже не нужно». Слыша это, я обычно поднимаю глаза к небу, думая про себя: если она так хочет, пусть будет так.

— Есть ли у вас другие кумиры, кроме отца?

— Моим героем всегда был Роберт Де Ниро. Но я восхищаюсь и Марлоном Брандо, и Монтгомери Клифтом, и Джеймсом Дином.

С мамой и бабушкой.

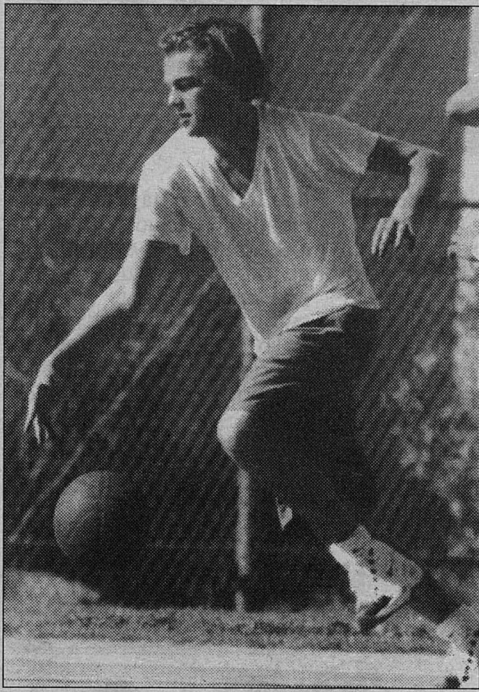
вую эпоху, какими были мастера «бронзового века» кино в начале нынешнего столетия, в фантастических 1950-х и в золотых 1970-х. Я уже чувствую то, что грядет.

— *Пророческое высказывание. Скоро вас можно будет увидеть в фильме Вуди Аллена. Какая там у вас роль?*

— Совсем маленькая. Я играю избалованную звезду Голливуда. Вуди в отличие от Джеймса позволил мне делать все, что я хотел. Это было чудесно!

— *Прошлом лето вы провели во французской столице, снимаясь в картине «Железная маска». Вы узнали поближе Париж?*

— Конечно. Я пригласил туда 10 своих лучших друзей, и мы провели, вероятно, самое прекрасное время в нашей жизни. Я побывал

На досуге.

Фото «Пари-матч», Париж; «Таймс мэгэзин», Лондон.

во всех музеях. Лувр необыкновенно хорош, хотя Музей д'Орсе понравился мне больше всего.

— *У вас есть любимый художник?*

— У меня их много. Моне, Руссо и, конечно, Ван Гог. Из современных художников более всех мне близок сюрреалист Роберт Уильямс, живущий в Лос-Анджелесе.

— *Как выдержали вы поклонение тысяч японков во время премьеры «Титаника» в Токио?*

— Я уже не воспринимал в качестве реальности рев толпы, а чувствовал себя существом с другой планеты. Девушки превратились для меня в безымянную стену кричащих ртов. Когда на меня обрушивается водопад восхищения, мне трудно ощущать себя человеком.

— *Читаете ли вы письма поклонниц?*

— У меня нет на это времени. Мой друг просматривает их за меня и дает почитать самые сумасшедшие или забавные.

— *И что же там бывает?*

— Некоторые из них очень необычны. Самое интересное в том, что все они уверены, будто знают меня. Они пишут своему другу, а совсем не объекту поклонения. И мне это нравится.

— *Вы, кажется, совсем не наслаждаетесь своей жизнью звезды?*

— За это я благодарен Шэрон Стоун. На съемках вестерна «Быстрый и мертвый» она посоветовала мне хоть как-то использовать преимущества славы. Это сделало меня сильнее.

— *Какое ваше лучшее качество?*

— Я многое вижу очень ясно и не слишком углубляюсь в размышления. Неважно, что в жизни порой получается и не так. Передо мной есть общая картина. Но сегодня это не легко.

— *А самый большой ваш недостаток?*

— Он в том, что свои недостатки я пока знаю не так хорошо, как свои сильные стороны. На это мне еще потребуется много времени. Я пренебрегал слишком важными вещами с тех пор, как в 16 лет начал свою кинокарьеру.

— *Что будете вы делать после того, как стихнет шум вокруг «Титаника»?*

— Путешествовать, плавать с голубыми китами, читать, изучать жизнь животных. Все время ведь только работать невозможно. Поэтому я откажусь от многих предложений и от целой кучи денег.

— *В 23 года вы наконец-то хотите найти себя самого?*

— Именно. Мне кажется, я нахожусь уже в конце пути, по которому шел достаточно долго. И если сегодня я не продолжу работу над собой, то есть вероятность стать трудоголиком. Я обязательно должен знать, кто же я на самом деле. Иначе когда-нибудь я просто перепутаю себя с одним из своих героев.